

"Письмо Кристофу де Бомону" с пометками Вольтера : парадоксы восприятия спора Руссо и Вольтера в России

Алла Августовна Златопольская,
кандидат философских наук,
научный сотрудник Библиотеки Российской Академии наук.

"Письмо Кристофу де Бомону" с пометками Вольтера, находящееся в составе библиотеки Вольтера, до сих пор было известно лишь узкому кругу специалистов, однако спор Руссо и Вольтера, отраженный в этих пометках, нашел широкий отклик в русской мысли не только XVIII, но и XIX века

Вскоре после опубликования экземпляры "Письма Кристофу де Бомону" уже появляются в России. Так в январе 1764 г. амстердамский книгоиздатель М. М. Рей посылает историку Г.Ф. Миллеру среди других книг и экземпляр изданного им этого сочинения Руссо. Уже в XIX веке в эпоху николаевского царствования была сделана попытка издать пастырское послание парижского архиепископа, ответом на которое и было "Письмо", однако издание было отклонено духовной цензурой "по неверности и невразумительности перевода".

"Письмо Кристофу де Бомону" не являлось в сознании русских читателей произведением первого плана, оно никогда не переводилось на русский язык. Однако особенностью самого "Письма" является то, что оно во многом представляет собой квинтэссенцию мыслей Руссо, высказанных им в других сочинениях. Автобиографические мотивы в "Письме" служат подступами к "Исповеди". Центральное место в "Письме" занимает защита "Исповедания веры савойского викария". В тесной связи с этой защитой Руссо затрагивает в "Письме" проблемы врожденной доброты человеческой природы, проблемы воспитания. В своих пометках Вольтер оценивает различные стороны воззрений "женевского гражданина".

Центральное место среди произведений "женевского гражданина" в сознании русских мыслителей занимает "Эмиль" и, прежде всего, "Исповедание веры савойского викария", основные положения которого Руссо излагает и защищает в своем "Письме". В России о запрещении "Эмиля" узнали очень быстро. Так 6 декабря 1762 г. М. М. Рей пишет Г.Ф. Миллеру о запрещении ввоза "Эмиля" во Францию. В апрельской выпуске 1763 г. "Ежемесячных сочинений и известий об ученых делах", издаваемых Г.Ф. Миллером, было отмечено о сочинениях Руссо, что "остерегаться надлежит, чтобы чтением его книг не принять от него того, что закону Божию и должностям гражданским противно; как-то и для сих причин последняя две его книги: *Emile et Contrat social*, как во Франции, так и в Голландии, запрещены под штрафом конфискации всех экземпляров". Под влиянием преследований "Эмиля" в европейских странах выступает с распоряжением о запрещении "Эмиля" и Екатерина II. Однако характерный парадокс, несмотря на запрещение в XVIII - начале XIX века появляется множество переводов прежде всего "Исповедания веры савойского викария", как печатных (около 1770 года, в 1801, 1802, 1822 годах, а также отрывки, появившиеся в 1773, 1777, 1785 годах под другими названиями, чтобы обмануть цензуру), так и рукописных, а также "Эмиля" (среди них можно упомянуть сокращенный перевод пятой книги "Эмиля", вышедший в 1799-1800 гг. вместе с переводом неоконченной повести Руссо "Эмиль и Софи, или Одинокие"; в 1807 году весь роман, включая "Исповедание веры савойского викария", переводится Елизаветой Дельсаль). Можно сказать, что, несмотря на цензурное запрещение, "Исповедание веры савойского викария" по количеству переводов одно из самых распространенных, если не самое распространенное, произведение Руссо в России в конце XVIII - начале XIX века.

Уже до выхода в свет "Исповедания веры савойского викария" и "Письма Кристофу де Бомону" русские мыслители знают о разногласиях Руссо и Вольтера по вопросу о благодати Божией и месте зла в мире, по вопросу о роли Просвещения. Эти разногласия выявились уже в поэме Вольтера "О разрушении Лиссабона" и письме Ж.Ж. Руссо по поводу этой поэмы.

В дальнейшем на полях "Исповедания веры савойского викария", там, где Руссо говорит о благодати Провидения и зле в мире и утверждает, что "Если человек активен и свободен, то он действует сам по себе; все, что он свободно делает, не входит в систему установленную Провидением и не может быть поставлено в вину Провидению", Вольтер пишет, не соглашаясь с "женевским гражданином": "И как что-либо может быть вне власти Провидения".

Первой публикацией в России, посвященной идеям "женевского гражданина", явилось "Примечание к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Вольтеру". Примечание касается письма Руссо к Вольтеру по поводу поэмы Вольтера "О разрушении Лиссабона". Его автор И.-Г. Рейхель. Уже в этой первой публикации 1762 года намечены "болевые точки", главные проблемы, волнующие русских мыслителей. Это проблема целесообразного устройства мира, отношения Человек - Бог, роли Просвещения и его противоречий. Фактически принимая христианскую точку зрения против Вольтера в проблеме целесообразного устройства

мира, автор становится близко к позиции Руссо. В целом же автор не видит кардинальных различий между Вольтером и Руссо, для автора они являются представителями века Просвещения.

Рассматривая проблему мирового порядка, мировой гармонии, русские мыслители склонялись к концепции Руссо, по которой существует предустановленная гармония, в божественном мире все благо, а зло является делом рук людей. Такова, например, точка зрения В. Левшина. Автор книги "Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Вольтера на разрушение Лиссабона [...]", вышедшей в 1788 г. в Москве, также использует мысль Руссо из "Исповедания веры савойского викария" и "Письма к Вольтеру от 18 августа 1756 года" о том, что всемогущество Божие неразрывно с благодатью. "Естьли бы человек мог так удобно пронизать намерения Божия, естьли бы он в состоянии был обозреть все учреждения мира с такою быстротью, как хватается он за вещи, являющиеся ему вредными в Природе; он бы не вопиял против встречающихся зол в Естестве; он бы разумел, что может быть злом нам кажущееся было неизбежимо при учреждении мира, и согласился бы принять сентенцию г. Руссо: "Целое есть добро, или же все в рассуждении целого есть добро"".

Вольтер не принимает в "Письме к Кристофу де Бомону" то, что Руссо, защищая естественную религию савойского викария, в то же время считает себя христианином. Для Вольтера - это проявление лицемерия. Напротив слов Руссо "Монсеньор, я христианин, искренне христианин по доктрине Евангелия" Вольтер возмущенно замечает: "Как он лжет!". Через несколько страниц он замечает: "Ты не веришь в откровение и ты себя называешь христианином".

Однако именно сближение естественной религии Руссо с христианством привлекало русских мыслителей. После краткого периода увлечения вольтерьянством, религия "женевского гражданина" противопоставлялась критике церкви Вольтером, воззрения Вольтера на религию сближались с атеизмом французских материалистов.

Особенно это характерно для масонских кругов, в которых и на протяжении второй половины XVIII века и в начале XIX велик интерес к "Исповеданию веры савойского викария", нравственно-гуманистическим аспектам религии Руссо. Как несколько наивно высказалась переводчица "Эмиля", в том числе и "Исповедания веры савойского викария", Е. Дельсаль: "Ежели Руссо заблуждает здесь и не следует тексту Св. Писания; то сие заблуждение происходит от особенной доброты его сердца". Христианство, как и "деизм сердца" Руссо, интерпретируется в нравственном аспекте, подчеркивается идея терпимости и любви. Так, в одном масонском сборнике 1782 года пишется: "Тако Руссо знает Евангелие, тако знает он Устроителя оного; тако должен бы он знать и дух терпения и кротости, дух от всякого пристрастия отдаленный, дух всеобщего человеколюбия, дух сей божественного друга человечества, который первым поставил своим долгом изгнать из мира все воображаемые исключительные права какой-либо церкви, секты или Народа, а Творца мира прославить, не как Бога единого какого-либо Народа, но как Отца всего человеческого рода". Сближение "религии сердца" Руссо с христианством имеет место не только в XVIII - начале XIX века, но и в конце века XIX. Продолжая традиции русской мысли, сближает религию Руссо и Евангелие Л.Н. Толстой.

В связи с этим высоко ценятся рассуждения "женевского гражданина" об Иисусе Христе, его смерти, эти рассуждения сближаются с традиционно христианскими. Эти рассуждения используются даже официальными православными изданиями на протяжении всего XIX века.

В частности, несмотря на то, что перевод "Исповедания веры савойского викария" не был разрешен духовной цензурой, в 1894 году выходит четвертым изданием книга Г. Дьяченко "Уроки и примеры христианской веры. Опыт катехизической хрестоматии", которая является, как указано на титульном листе, пособием "[...] для законоучителей при преподавании Закона Божия вообще и катехизиса в особенности в высших и средних учебных заведениях, [...] для родителей и воспитателей при религиозно-нравственном обучении". Тем не менее в этой книге цитируются размышления Руссо о Евангелии и Иисусе Христе из "Исповедания веры савойского викария". Этот же отрывок из "Исповедания веры савойского викария" приводится и в книге "Мнение Наполеона и Руссо о божественности Иисуса Христа и святости Евангелия" (Одесса, 1900), одобренной духовной цензурой. Характерно, что полностью после более чем восьмидесятилетнего перерыва "Исповедание веры савойского викария" вышло в свет только в 1903 году, в издательстве "Посредник", а в составе "Эмиля" только в 1911 году, до этого оно было запрещено духовной цензурой.

Принятие "деизма сердца" "женевского гражданина" как христианской религии терпимости и любви было тесно связано с представлением о человеческой природе, как изначально доброй. Вольтер в своих пометках присоединяется к критике Руссо идеи первородного греха, несколько раз он отмечает эти рассуждения одобрительным "это хорошо". В то же время Вольтер не разделяет руссоистского взгляда на изначальноную доброту человеческой природы, в своих пометках он отмечает, что "человек рождается со страстями, которые нуждаются в узде", "... самолюбие делает человека злым". В связи с этим Вольтер негативно оценивает концепцию воспитания "естественного человека", иронически замечая в своих пометках на экземпляре "Письма" о воспитании по "Эмилю", что "без сомнения, твоя книга может произвести только столяра". У русских мыслителей руссоистская концепция воспитания вызывает живой интерес своей гуманистической направленностью. "Творение его "Эмиль" не есть собрание парадоксов; но истинный идеал педагогики. А его воспитаник Эмиль не похож на зверя или на дикого человека; ибо все его образование

клонится к тому, чтобы сделать из него доброго, обществу полезного гражданина", - пишет Я. де Санглен, автор статьи "Параллель между Руссо и Вольтером", опубликованной в 1805 году в журнале "Аврора". Педагогические идеи Руссо привлекают русских мыслителей направленностью на воспитание патриотизма. Они сближаются с традиционной педагогикой, противопоставляются вольтерьянству и французскому материализму. Патриотическое воспитание привлекает в "Эмиле", например, С. Глинку, автора вышедшей в 1808 году монографии о наставнике Петра Первого, в целом отрицательно относящегося к идеям французского Просвещения.

Находясь в неприязненных отношениях в Руссо, Вольтер с раздражением воспринимает автобиографические мотивы в "Письме к Кристофу де Бомону". "И всегда ты", "Какое самомнение!" - пишет он на полях. Для русских же мыслителей на протяжении всего как XVIII, так и XIX века, интерес к личности Руссо, который рассматривается как "учитель жизни", очень велик. Поэтому так велик и интерес к "Исповеди". Особенно часто интерес к личности "жениевского гражданина" и его "Исповеди" проявляется во время идейных кризисов (Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой). В то же время надежда на либерально-буржуазный прогресс, на развитие просвещения и науки и автоматическое вслед за ними улучшение общественных учреждений и природы человека, приводит к отвержению и "Исповеди", и личности Руссо, как личности, не вписывающейся в прогрессистскую парадигму, странной и ненужной веку прогресса. Вольтер, работающий для прогресса, противопоставляется Руссо. Так Белинский в конце жизни, связывая свои надежды с буржуазией, противопоставляет Руссо Вольтеру, негативно отзываясь об "Исповеди".

Д.И. Писарев также противопоставляет Руссо Вольтеру в деле разрушения старого, отжившего. Психологическая сложность фигуры "жениевского гражданина" для Писарева служила препятствием делу общественного прогресса. "В половине XVIII века стояла на очереди важная задача. Надо было повернуть против феодального государства то отрицание, которое в первой половине столетия действовало исключительно против клерикальной партии. [...] Эту задачу решил Руссо. [...] Нельзя не сказать, что Европа осталась бы в больших барышах, если бы Руссо умер в цвете лет, не напечатавши ни одной строки. Руссо решил задачу, но на свое решение он положил грязные следы своей плаксивой, взбалмошной, расплывающейся, мелочной и в то же время фальшивой двоедушной и фарисейской личности. [...] Дело всеобщей перестройки, очевидно, выиграло бы, если бы ее первым мастером был человек совершенно здоровый, крепкий, веселый, деятельный и неутомимый". Не случайно "Исповедь" для Писарева только длиннейшая и скучнейшая жалоба.

Прекрасно, хотя и не без некоторого преувеличения и неточностей, сказал о восприятии антитезы Руссо - Вольтер в русской культуре Д. Философов в своем очерке "Жан-Жак Руссо" (Русское слово. 1912. 15 июня): "Для русских Вольтер интересен как родоначальник поверхностного, несвойственного русской душе "вольтерьянства", мода на которое царил среди наших бар-крепостников екатерининского времени. Самые темы Вольтера не русские. Наоборот, тема Руссо - подлинно русская. Руссо искал не бескорыстной холодной истины, а правды и справедливости. В истории русской мысли Руссо следует отвести почетное место. [...] Для нас Руссо дорог не как француз, а как "всечеловек". Он с особой резкостью поставил вопрос о противоречии между правдой культуры и правдой природы, между правдой рассудка и правдой чувства. Нам совершенно незачем впахивать Руссо в историческую среду, класть его на определенную полку, потому что вся русская литература разрабатывала, в конце концов, темы Руссо. "Исповедь савойского священника" для нас не момент в истории религиозной мысли, а сегодняшняя, волнующая нас тема. "Рассуждение о неравенстве людей" - не сочинение, написанное на соискание премии Дижонской академии, а заветная дума всей русской интеллигенции.

Без особых усилий мы можем представить себе Руссо, спорящего в кругу петрашевцев. Нас не удивило бы, если бы он подсел к столу в грязном трактире, где Алеша и Иван Карамазовы спорили о Боге под звуки "Травиаты". Вероятно, Пьер Безухов и Платон Каратаев рады были бы иметь Жан-Жака своим товарищем по плену. Но разве можем мы себе представить в такой обстановке Вольтера? [...]

Вольтер был в постоянных сношениях с Россией. [...] Руссо, вероятно, никогда и не думал о России. Он не заботился об истории, потому что сам делал ее. И вышло так, что для России он оказался гораздо нужнее, нежели Вольтер. Вольтер - до мозга костей француз и сын своего времени. Руссо разорвал цепи времени и пространства, вышел за пределы национальности и эпохи. [...] "всечеловек" Руссо слишком много нам дал и слишком тесно связан с будущим культуры русской".